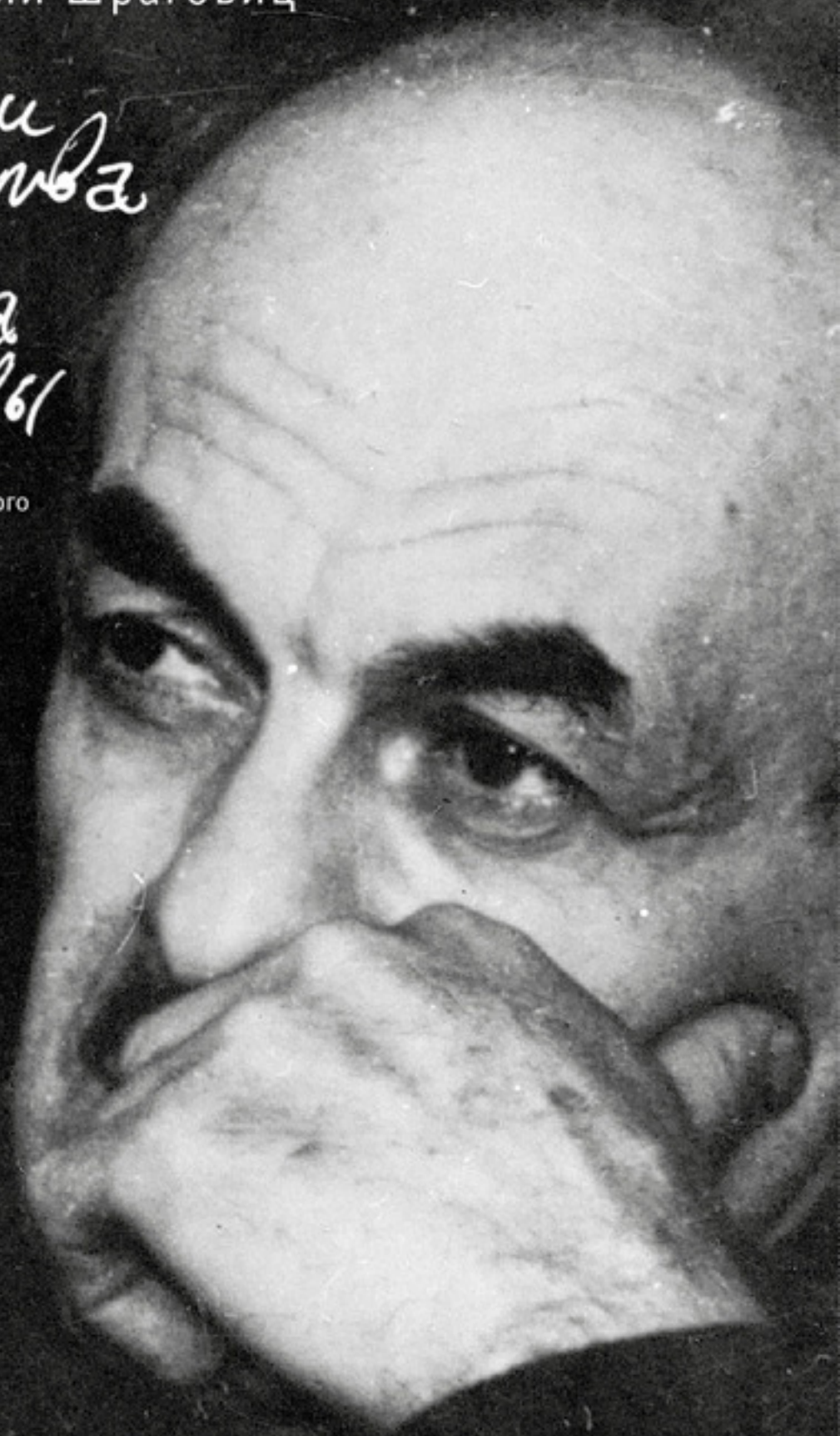

Евгений Шраговиц

Загадки Творчества

Буната Ожужавы

Глазами
внимательного
читателя

Алетейя

Евгений Шраговиц

**Загадки творчества
Булата Окуджавы: глазами
внимательного читателя**

«Алетейя»

2015

УДК 821.161.1 Окуджава.06
ББК 83(2Рос=Рус)6

Шраговиц Е. Б.

Загадки творчества Булата Окуджавы: глазами внимательного
читателя / Е. Б. Шраговиц — «Алетейя», 2015

В ходе анализа стихов Окуджавы, базирующегося на научных знаниях из области не только литературоведения, но и, например, философии и психологии, автор книги «расшифровывает скрытые смыслы» многих произведений, не замеченные критиками, раскрывает контексты творчества Окуджавы, остававшиеся невыявленными, в частности, обнаруживает переключку произведений Окуджавы с текстами «последнего поэта Серебряного века» Георгия Иванова. Каждая глава книги посвящена стихотворению, песне или цепочке тематически близких стихов и песен. Среди них такие известные произведения Окуджавы, как «Неистов и упрям», «Комсомольская богиня», «Старый пиджак», «Шарманка-шарлатанка», «Ночной разговор», «Молитва», «Батальное полотно», «Белорусский вокзал», «Былое нельзя воротить» и другие.

УДК 821.161.1 Окуджава.06
ББК 83(2Рос=Рус)6

© Шраговиц Е. Б., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

От автора	5
Загадки песни Окуджавы «Неистов и упрям...»	7
1. Истоки и характер песни	9
2. О датировке песни	16
Явление «Комсомольской богини»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Евгений Шраговиц

Загадки творчества Булата Окуджавы: глазами внимательного читателя

От автора

Прошло уже более 50 лет с тех пор, как имя Булата Окуджавы стало известно всей русскоговорящей публике. Сначала его знали как автора и исполнителя полузапрещенных песен, потом – как одного из ведущих поэтов своего времени. Что же выделяло Окуджаву из ряда других сочинителей стихов и песен? Один из величайших англоязычных поэтов XX века У. Оден как-то заметил: «Поэтический талант – это способность передать свой личный эмоциональный настрой другим людям». Булату Окуджаве удалось затронуть своими произведениями сердца миллионов. Успех его текстов как у неискушенных читателей и слушателей, так и у знатоков музыки и литературы говорит о том, что каждая из этих групп находит в его сочинениях отражение своего мировидения, и это свидетельствует о внутренней сложности произведений поэта. Истинная поэзия отличается полифоничностью, а способность услышать тот или иной голос зависит уже от уровня подготовки воспринимающей стороны. Замечательный русский филолог К. Тарановский как-то предложил классификацию читателей в зависимости от их чуткости к тому или иному уровню произведения, настроенности на него. Он сказал, что одни готовы наслаждаться музыкой стиха как таковой, другие стремятся расшифровать скрытый смысл. Предлагаемая книга появилась как результат внимательного прочтения известных и не очень известных стихов и песен Окуджавы. Автор надеется, что его заметки помогут читателю лучше понять творчество Окуджавы и получить ответы на вопросы, которые часто возникают при знакомстве с произведениями поэта. Из книги читатель сможет узнать о культурно-историческом контексте стихов Окуджавы, о художественных задачах, которые он решал, о том, какие поэты оказали влияние на его творчество и какие тексты его собратьев по перу появились бы в совершенно ином виде или не появились бы вовсе, не будь его произведений. Ознакомившись с книгой, можно получить представление о мастерской поэта со всеми ее «инструментами». В стихах поющего поэта, каким был Окуджава, музыкальное начало играет не меньшую роль, чем содержательное, и взаимодействует с последним по особым законам. Хотя наша работа посвящена в основном смысловой составляющей произведений Окуджавы, в некоторых случаях мы коснемся фонетических и ритмических средств, применяемых им для воздействия на аудиторию.

Книга сложилась отчасти из статей, напечатанных ранее в журналах (здесь мы публикуем их в более полных версиях); другие же ее главы видят свет впервые. Каждая из них содержит анализ стихотворения, песни или группы песен и стихов, связанных общей темой, и снабжена ссылками на использованные материалы. Анализ песен и стихов выборочен, охватывает далеко не все сделанное поэтом, но дает достаточное представление о диапазоне его интересов, волновавших его проблем и поэтических средств, им использованных.

В заключение автор хочет поблагодарить всех, кто читал работы, из которых сформировалась эта книга, и делился с ним своим мнением о прочитанном: Е. Баевскую, Е. Микаэлян, Н. Перлину, Т. Жидкову, Б. Рогинского, М. Левину, А. Бужакера, В. Ситко, М. Конторович, Л. и А. Рожанских, а также О. Окуджава, любезно предоставившую фотографии поэта, включенные в эту книгу, и редакторов журналов «НЛО», «Звезда», «Вопросы литературы», «Нева» и «Новый мир», чьи замечания помогли улучшить те ее части, которые ранее в виде статей публиковались в этих журналах.

Электронный адрес автора: shragowius@yahoo.com

Загадки песни Окуджавы «Неистов и упрям...»

Среди песен Окуджавы песня «Неистов и упрям...» занимает особое место. Она была впервые опубликована в 1977 году «без посвящения и со сведениями о дате: 1946»¹, а в интервью и выступлениях Окуджава называл ее своей первой песней. Однако в итоговой книге «Чаепитие на Арбате»², вышедшей в 1996 году, Окуджава поместил ее в раздел «Пятидесятые» с посвящением Ю. Нагибину; в «Стихотворениях» она тоже находится в разделе «Пятидесятые»³.

В течение 20–30 лет песня оставалась неопубликованной, хотя поэт исполнял ее со сцены, а впоследствии включал в свои пластинки и сборники, явно не сомневаясь в ее художественных достоинствах. Естественно задаться вопросом: когда же Окуджава написал эту песню и, если она действительно была создана в 40-х или 50-х, почему Окуджава не публиковал ее до поздних 70-х? Мы попытаемся ответить на эти вопросы, а также на вопросы, связанные с интерпретацией песни, обратившись к контекстам, прежде в литературе о ней не упоминавшимся⁴. Приведем текст песни в том виде, в каком он появился в последнем прижизненном издании⁵ сочинений Окуджавы с посвящением Нагибину:

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

Нам все дано сполна —
и горести, и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.

Пусть оправданья нет
и даже век спустя...
семь бед — один ответ,
один ответ — пустяк.

---

¹ Сажин В. Примечания // Окуджава Б. Стихотворения. СПб. 2001. С. 623.

² Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. М. 1996. С. 10.

³ Окуджава Б. Стихотворения. СПб. 2001. С. 191.

⁴ См.: Сажин В. Слеза барабанщика / Окуджава Б. Стихотворения. Автор прослеживает связи образов из этой песни с образами из более поздних стихов, а в качестве ее литературных источников называет русский фольклор и стихотворение Пастернака «Смерть сапера», напечатанное в 1945 году. Л. Дубшан в своей статье, названной «Декабри... январь...» (Дубшан Л. Декабри... январь... // Первое сентября. 2005. № 87. С. 5), посвященной песне «Неистов и упрям...» и другим, с нею связанным, в качестве литературного влияния упоминает строки Пушкина «Горишь ли ты, лампада наша, / Подруга бдений и пиров?» («Из письма к Я. Н. Толстому») и песню «Быстры, как волны...» (переделка стихотворения «Вино» А. Серебрянского, датированного началом 1830-х годов), по его мнению, «взятую за образец». М. Чудакова усматривает в этом стихотворении Окуджавы реминисценции из «Песни о фонариках» (1942) М. Светлова, с припевом: «Бессменный часовой. / Все ночи до зари, / Мой старый друг — фонарик мой, / Гори, гори, гори!»

⁵ Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. С. 10.

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

1. Истоки и характер песни

Песня «Неистов и упрям...» была представлена Окуджавой как студенческая песня и действительно имеет такие признаки, как присутствие лирического героя в виде группы, обозначенной притяжательным местоимением множественного числа «нам». По своему характеру и романтической образности (огонь, луна, весна, горести, смех) эта песня вполне подпадает под классификацию студенческой.

Жанр студенческой песни имеет длинную историю, уходящую в Средневековье. В России постоянно действующие университеты – а с ними и студенты как социальная группа – появились в середине XVIII века. Студенческая песня была популярна среди образованного класса; в этом жанре упражнялись многие русские поэты, в том числе Пушкин, Дельвиг, Языков, Ап. Григорьев. По традиции, унаследованной от вагантов, студенческие песни проникнуты духом дружбы и верности друзьям по корпорациям. Принадлежность песни Окуджавы к этой культурной традиции довольно очевидна и проявляется не только в «Неистов и упрям...», но и во многих других его песнях.

Поэзия Окуджавы свидетельствует о его интересе к вагантам и знании их творчества; в доказательство можно привести стихотворение «Прогулки фразеров» (1982), где бродячие интеллектуалы (ваганты) выступают в качестве действующих лиц⁶. Можно проследить и опосредованное влияние вагантов на Окуджаву: темы, изначально появившиеся в поэзии вагантов⁷ и затем ставшие устойчивым топом европейской поэзии, встречаются и в его студенческих песнях. Отголоски таких основополагающих мотивов вагантской поэзии, как «гневное обличение и чувственная любовь»⁸, звучали в студенческих песнях и после того, как в конце XIII века ваганты сошли со сцены; впрочем, европейский романтизм воскресил к ним интерес.

В нашу задачу не входит всестороннее исследование русских студенческих песен как культурного явления; мы сосредоточимся лишь на тех, которые, по нашему мнению, повлияли на песню Окуджавы «Неистов и упрям...».

Среди стихотворений Пушкина, близких к студенческой песне, можно назвать лицейское «Пирующие студенты» и написанное уже в южной ссылке «Из письма к Я. Н. Толстому» («Горишь ли ты, лампада наша.»)⁹, а из других источников влияния на Окуджаву – известный романс П. Булахова «Гори, гори, моя звезда.» на стихи студента Московского университета В. Чуевского, датированный 1846–1847 годами¹⁰, а также сделанные Аполлоном Григорьевым переводы с немецкого «Дружеской песни»¹¹ и связанного с ней хронологически и тематически «Неразрывна цепь творенья.»¹², стихотворение «Свеча горит.»¹³ К. Бальмонта, ранние стихи Г. Иванова «Пасха 1916 г.»¹⁴ и «Свобода! Что чудесней.»¹⁵. Окуджаву мог быть уверен, что такие стихи Пушкина, как «К Чаадаеву», с употреблением слова «гори» в контексте свободы: «Пока свободою горим, / Пока сердца для чести живы...», как «Вакхическая песня», где «гори» связано с солнцем и торжеством разума: «Ты, солнце святое, гори, / Как эта лампада бледнеет...», а также «Послание в Сибирь», с призывом к заключенным за «дум

---

⁶ Окуджаву Б. Стихотворения. С. 394.

⁷ Гаспаров М. Поэзия вагантов. М. 1975. С. 421.

⁸ Там же. С. 425.

⁹ Отмечено Л. Дубшаном.

¹⁰ Русский романс. М. 1987. С. 515.

¹¹ Григорьев А. Стихотворения. М.; Л. 1966. С. 330.

¹² Там же. С. 322.

¹³ Бальмонт К. Солнечная пряжа (Изборник). СПб. 2003. С. 255.

¹⁴ Иванов Г. Стихотворения. СПб.; М. 2010. С. 383.

¹⁵ Там же. С. 394.

высокое стремление» «хранить гордое терпенье», принадлежат устойчивому топосу русской литературы и известны его читателям/слушателям.

Рассмотрим образную сторону песни Окуджавы более детально. Основной образ в песне – огонь. Образ этот настолько распространенный, многозначный и метафоричный, что обсуждать его в отрыве от контекста не имеет смысла. Окуджава дополняет этот образ:

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.

Так не говорят об огне свечи или о другом источнике ровного света – речь идет об огне пожара. Это отсылка к семичастному стихотворению М. Волошина «Огонь»¹⁶ из цикла «Путями Каина»¹⁷, где во второй части:

Кровь – первый знак земного мятежа,
А знак второй —
Раздутый ветром факел.

Пятую часть приведём полностью:

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец – невидимый и тёмный,
Зажжённый в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей, (здесь и далее выделено мной. – Е.
Ш.)
Неукротимый факел Прометея,
Зажжённый им от громовой стрелы.

Если учесть семантическую и фонетическую близость слов «упрям» и «неукротим», то можно считать, что Окуджава выбирает второй из этих двух огней, отсылая тем самым к «пламени мятежей» и «факелу Прометея». Напомним, что титан Прометей (чьё имя означает «пророчество») восстал против воли богов и похитил у Гермеса огонь, чтобы отдать его людям и спасти человечество от гибели, за что Зевс обрек его на вечные муки. Может быть, Окуджава имеет в виду именно этот мифологический сюжет, когда пишет: «Пусть оправдания нет / и даже век спустя...» Факел Прометея стал символом свободы духа, вдохновившим поколения поэтов – от Эсхила, сочинившего о его подвиге трилогию «Прометей прикованный», «Прометей освобожденный» и «Прометей-огненосец», – до М. Волошина с его «Путями Каина». Таким образом, «неистов и упрям» имеет широкое поле значений, включающее как предположительно разрушительную («неистовое пламя мятежей»), так и созидательную функцию огня («неукротимый

---

¹⁶ Волошин М. Огонь // Путями Каина // Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб. 1995. С. 307–309.

¹⁷ Поэма Волошина «Путями Каина» впервые была опубликована в сборниках «Недра» (кн. 2. М. 1923; кн. 5. М. 1924). Волошин М. Мятеж // Путями Каина. С. 305.

факел Прометея»), причем созидательное начало связано с темой самопожертвования. Однако в первом стихотворении из цикла «Путями Каина», названном «Мятеж», в третьей части есть строки: «Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье – / Творящий ритм мятежного огня»¹⁸. Из этих строк видно, что, когда Волошин писал о «неистовом пламени мятежей», он, и за ним Окуджава, понимал под огнем источник обновления, а не просто уничтожения. Необходимо отметить еще одну деталь определения «мятежного огня» у Волошина: употребление слова «ритм». Ритм есть там, где есть цикличность. Сама по себе мысль о цикличности в природе: ... жизнь – смерть – жизнь... – не нова (например, Екклесиаст), но здесь она связана с огнем, что открывает еще одну сторону процесса постоянного обновления, когда огонь включен в переход от смерти к новой жизни, как лесной пожар уничтожает высохшие деревья и сорняки и расчищает поле для новой поросли. То есть призыв в песне Окуджавы – это призыв к обновлению.

Конструкция, аналогичная конструкции «гори, огонь, гори» встречается в русской поэзии довольно часто, в основном как метафора душевного состояния, – у младшего современника Пушкина В. Печерина: «Гори, гори, мой факел томный...»¹⁸ (1833), в поэзии Серебряного века – у Блока: «Гори, гори. Живи, живи...»¹⁹, у З. Гиппиус: «Гори, заря, гори!»²⁰, Мережковского, Кузмина и у множества их современников, а также в уже упомянутом романсе «Гори, гори, моя звезда». Однократное упоминание горения также встречается у многих поэтов, в частности у Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Лермонтова. Привычность образа огня замаскировала подлинный смысл призыва в песне.

Вслед за темой огня Окуджава вводит тему времени: «На смену декаблям / приходят январь». Эта сентенция – метафора перемен в жизни с их цикличностью. Окуджава говорил об этом так: «Уже в декабре меня начинает лихорадить при одном упоминании о приближении Нового года. Я жду полного обновления, резких качественных перемен, я жду обновления моей жизни, близких мне людей и всего человечества»²¹. Таким образом, «на смену декаблям приходят январь» – это метафора перемен и метафора ожидания «полного обновления» в связи с наступлением Нового года, а не просто нового месяца. Предваренные призывом к «неистовому» огню строки о наступлении Нового года тоже говорят о желании перемен, теперь уже в хронологических терминах. Метафоричность этих стихов, допускающих разнообразные интерпретации, позволяла Окуджаве выдавать эту песню чуть ли не за ученическую. Учитывая времена, когда песня была написана, можно предположить, что Окуджава не стремился сделать волошинские реминисценции общепонятными, и их наличие могло послужить одной из причин того, что Окуджава не публиковал эту песню вплоть до 1977 года.

Сплетение двух тем – огня и времени – служит основой полифонии, характерной для многих песен Окуджавы.

Глубинными источниками образов, относящихся к течению времени, служит Библия, в частности Екклесиаст, а также – строки из стихотворения Ап. Григорьева «Неразрывна цепь творенья», где поэт, несомненно, Екклесиаста перефразирует:

Неразрывна цепь творенья:
Все, что было, – будет снова...

Процитируем упомянутую «Пасху 1916 г.» Г. Иванова:

Как хмурая зима прошла,

¹⁸ Поэты 1820-1830-х годов: в 2 т. Л. 1972. Т. 2. С. 485.

¹⁹ Блок А. Валерию Брюсову // Блок А. Собрание сочинений в 8 т. М.; Л. 1960. Т. 3. С. 139.

²⁰ Гиппиус З. «Я вижу край небес в дали безбрежной.» // Гиппиус З. Стихотворения. СПб. 2006. С. 95.

²¹ Цит. по статье Л. Дубшана «Декабри...январь...» (См. сноску 4 на с.7).

Пройдут сомнения и беды.

И еще ближе – образ у К. Бальмонта: «Идет тепло на смену декабрю»²².

Рассмотрим вторую строфу песни Окуджавы:

Нам все дано сполна —
и горести и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Окуджава вводит лирического героя, представленного местоимением «мы», – это друзья и единомышленники, – и «нам» уготована общая судьба еще и потому, что «мы» современники и наша жизнь конечна. Окуджава соединяет тему времени с темой судьбы поколения, не рисуя никаких радостных перспектив для своих современников, а читатели сами знают и помнят, какая судьба выпала на долю поколения Окуджавы. При этом Окуджава ничего об этом поколении не говорит – кроме того, что «мы» получили всего «сполна», тогда как Ап. Григорьев в «Дружеской песне» уделяет много внимания целям жизни для «нас», а традиция говорить в студенческой песне от имени друзей идет еще из песен вагантов:

Вечной истины исканье,
Благо целого созданья —
Да живут у нас в сердцах.

.....
.....

Разливать на миллионы
Правды свет и свет закона —
Наш божественный удел²³.

Григорьев считал себя последним из «скитающихся» поэтов и свои воспоминания назвал «Мои литературные и нравственные скитальчества». Влияние Григорьева на Окуджаву не ограничивается приведенными выше стихами. Григорьев продолжил в русской поэзии традицию пения стихов под аккомпанемент струнного инструмента, уходящую вглубь веков, и прославился как создатель стихов, исполняемых под гитару, поэтому его роль в формировании Окуджавы как поющего поэта особенно велика.

Можно предположить, что отсутствие в песне какой-либо конкретной программы вкупе с намеком на кару за неназванные дела связывают эту песню с пушкинским стихотворением «Во глубине сибирских руд...», в котором тоже ничего не говорится о вине адресатов с их «дум высоким стремленьем».

Касаясь образной стороны первых двух строк второй строфы, отметим, что оборот «получить сполна» встречается в русской поэзии весьма часто. Например, у Пушкина «Оброк сполна ты получишь вскоре»²⁴ или совсем точное совпадение «Блага все даны сполна...»²⁵ у К. Пав-

---

²² Бальмонт К. Адам // Бальмонт К. Избранные стихотворения. Переводы. Статьи. М. 1980. С. 329.

²³ Григорьев А. Стихотворения и поэмы. М.; Л. 1966. С. 330–331.

²⁴ Пушкин А. Сказка о попе и о работнике его Балде // Пушкин А. Полн. собр. соч. в 10 тт. М. 1957. Т. 4. С. 421.

²⁵ Павлова К. Три души // Павлова К. Стихотворения. М. 1985. С. 159.

ловой; а разъяснение в песне «всего, что дано сполна» как «и горести и смех» встречается у Брюсова, где «их горести и смех»²⁶.

Источником третьей и четвертой строк второго четверостишия является строка из Екклесиаста «одна участь всем»²⁷, хотя стоит иметь виду и другие источники, в свою очередь отсылающие к Библии, как, например, стих Брюсова: «Одна судьба нас всех ведет»²⁸. Еще ближе у Мандельштама: «И я один на всех путях»²⁹. Идея «одного на всех» закрепились в поэзии Окуджавы и использовалась им во многих стихах, включая такую известную песню, как песня из фильма «Белорусский вокзал».

Сравним первые два четверостишия из песни Окуджавы со строками из стихотворения Г. Иванова «Свобода! Что чудесней...»:

Устали мы томиться
В нерадостном плену.
Так сладко пробудиться
И повстречать весну!
О, гостя золотая,
О, светлая заря.
Мы шли к тебе, мечтая,
Не веря и горя.

Тематические и лексические совпадения в рассматриваемых стихах Окуджавы и Г. Иванова представляются очевидными. В третьей строфе появляется мотив жертвы в борьбе за правое дело, напоминающий о пушкинском «Во глубине сибирских руд...»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
(Тут же – миф о Прометее.)

Третья строфа песни начинается фразой: «Прожить лета б дотла...».

Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.

Мысль, выраженная в этом безличном предложении, более или менее понятна, но её словесное выражение нестандартно в силу того, что употреблённые слова не встречаются в привычных словосочетаниях. Действительно, «жизнь прожить» или «прожить жизнь» – устойчивые словосочетания, существующие как в литературном, так и в обиходном языке и фольклоре в виде поговорки «Жизнь прожить – не поле перейти». «Многая лета!» – эти слова звучат как в православном храме, так и на семейных торжествах. Сгореть или разориться дотла – два наиболее часто встречающиеся сочетания со словом «дотла».

---

²⁶ Брюсов В. Сонет о поэте // Русский сонет: XVIII – начало XX века. М. 1983. С. 557.

²⁷ Екклесиаст. Гл. 2. Стих 14.

²⁸ Брюсов В. Строгое звено // Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л. 1964. С. 111.

²⁹ Мандельштам О. «О, как мы любим лицемерить...» // Мандельштам О. Собр. соч. в 3 тт. Washington. 1967. Т. 1. С. 176.

Таким образом, слова: «Прожить лета б дотла.» – представляют собой амальгаму из частей нескольких устойчивых выражений, и не удивительно, что этот образ не имеет прямых предшественников в русской поэзии. Тут ещё можно заметить, что они на семантическом уровне перекликаются со строками: «Жизнью нашей, краткой сроком/ Станем жить полней и вдвое.» – из «Неразрывна цепь творенья.» Ап. Григорьева. Оба эти фрагмента говорят о быстротечности жизни.

Далее следует ссылка на Священное Писание: «Страшный Суд», который, согласно христианской теологии, совпадает с концом мира и вторым пришествием Христа, воскрешением мертвых и отделением праведников от грешников.

«Страшный Суд» – весьма распространенный образ в древнерусской поэзии и летописании, а начиная с Сумарокова – и в русской поэзии новых времен («Когда придет кончина мира,/ Последний день и страшный суд»³⁰ (1768)). Допустим, Окуджава считает, что только Господь должен быть «твоим» судьей и, следовательно, «ты» не подвержен «за все твои дела» суду людскому. Однако эпитет «самый», примененный к «страшному суду», полностью меняет всю картину. Создается эффект плеоназма (дублирование некоторого элемента смысла для усиления эффекта или для создания комического эффекта), и Л. Дубшан справедливо назвал образ «самого страшного суда» «ироническим»³¹.

Таким образом, формула «самый страшный суд» может быть интерпретирована двояко: в рамках первой интерпретации «страшный суд» лишается религиозной коннотации, и тогда «самый страшный суд» – это самый страшный из страшных судов, устроенных властями; а вторая интерпретация предполагает откровенно ироническое – еретическое – отношение к концепции «Страшного Суда». Она, на наш взгляд, маскирует первую, злободневно-политическую. Трудно поверить, что Окуджава решил поучаствовать в теологической дискуссии по поводу этой эсхатологической доктрины.

Остановимся на первой фразе четвертой строфы: «Пусть оправданья нет / и даже век спустя...» Естественно возникает вопрос: кто должен быть оправдан и в чем? И почему «оправданья нет и даже век спустя»? Конечно, согласно Писанию, грешники, осужденные на Страшном Суде на вечные муки в аду, будут пребывать там вечно. Едва ли Окуджава решил в своей песне пересказать Писание, – скорее, речь идет о делах земных и Окуджава думал о тех, кто был осужден «самым страшным судом» и пребывает в рукотворном аду без надежды на оправдание при жизни. У Пушкина была надежда: «...свобода / Вас примет радостно у входа», а у Окуджавы этой надежды нет. Следующая строка в этой строфе – поговорка: «Семь бед – один ответ», которая отсылает к Ап. Григорьеву: «Кто воин, будь на все готов:/ Семь бед – один ответ»³². Соответственно, слова Окуджавы: «Семь бед – один ответ,/ один ответ – пустяк» – соотносятся со словами Григорьева «Кто воин, будь на все готов...», подразумевающими готовность принять смерть. Здесь также уместно вспомнить мнение Р. Абельской о том, что «“фольклорный настой” окуджавской лирики при внимательном рассмотрении нередко обнаруживает литературную подоплеку»³³. Четвертая строка: «.. один ответ – пустяк», – это бравада, поскольку, как мы отметили выше, скорее всего, речь идет о смерти, а форма: «...пустяк» использована многими, например у Кузмина: «И знаешь ведь отлично,/ Что это все – пустяк»³⁴. Из четырех различающихся строф в песне две строфы (третья и четвертая), то есть половина, – о бедах и суде. Если эти две строфы прочесть отдельно от оставшихся, то можно подумать, что

³⁰ Сумароков А. Избранные произведения. Л. 1957. С. 91.

³¹ Дубшан Л. Указ. соч. С. 5.

³² Григорьев А. Довольно в простоте своей... // Григорьев А. Стихотворения, поэмы, драмы. СПб. 2001. С. 116.

³³ Абельская Р. Поэтика Булата Окуджавы: Истоки творческой индивидуальности. Автореф. Екатеринбург, 2003. С. 7.

³⁴ Кумин М. Вдали поэт валторна // Кузмин М. Избранные произведения. Л. 1990. С. 175.

это песня заключенных. Последняя, пятая строфа представляет собой рефрен, повторяющий первую строфу и, таким образом, снова призывающий к борьбе за перемены.

Здесь нужно кое-что пояснить по поводу специфики образов, наиболее соответствующих жанру песни. Мы будем возвращаться к этой теме и в других главах нашей книги... Для того чтобы вызвать эмоциональный отклик, образ, воспринимаемый «на слух», должен распознаваться ассоциативной памятью легко, «на ходу», вместе с коннотациями, связанными с ним.

Для этого автору не обязательно буквально воспроизводить то, что уже известно, то есть прибегать к прямому заимствованию, но предпочтительна короткая «ассоциативная цепочка». Образ в песне обращен к ассоциативной памяти, действующей автоматически; для ее «включения» слушатель не прилагает специального усилия.

Если же образ сложный и требует расшифровки, необходимо вмешательство рациональной памяти, которая проанализировала бы его, а это занимает какое-то время. В таком случае кто-то из слушателей захочет «вчитаться» в текст, а у кого-то он просто вызовет реакцию отторжения. Песни Окуджавы ориентированы и на «внимательных читателей», и на тех, кто не готов подходить к тексту аналитически. Как мы показали, многие образы у Окуджавы обращены именно к непосредственному восприятию, что предполагает известную степень вторичности. Но это, по нашему мнению, не является недостатком, а указывает на связь Окуджавы с его поэтическими предшественниками. Баланс между соблюдением интересов слушателя и читателя в каждом стихотворении достигается разными способами. И, конечно же, в первую очередь и для тех и для других важны эвфонические характеристики стихов, а Окуджава показал себя первоклассным мелодистом.

Несмотря на гражданский подтекст этой песни, в ней нет ни одного восклицательного знака, а «вальсовая» мелодия контрастирует с драматическим содержанием, скрадывая ее подлинный характер и придавая ей глубину. Известный музыковед и один из первых публикаторов нотных записей песен Окуджавы В. Фрумкин в воспоминаниях об Окуджаве отметил «самобытность» окуджавской музыки и между прочим описал такой эксперимент со стихотворением «Неистов и упрям...»: «Я обошел несколько ленинградских композиторов и просил их предложить музыкальное прочтение этого стиха. К счастью, никто из них не был знаком с мелодией Булата – неспешного, меланхоличного вальса. Мои подопытные все как один симпровизировали музыку в ритме героико-драматического марша»³⁵.

---

³⁵ Фрумкин В. Между счастьем и бедой... // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате/сост. Я. Гройсман, Г. Корнилова. Нижний Новгород. 2003. С. 105.

2. О датировке песни

Вот что Окуджава говорил об этом стихотворении после публикации в 1977 году: «По моим представлениям, студенческая песня должна была быть очень грустной, типа «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» или что-нибудь в этом роде. И вот как-то однажды я подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать музыку к стихам «Неистов и упрям, гори, огонь, гори...». Получилась песенка»³⁶.

Передатировка с 1940-х на 1950-е, произведенная автором в последнем прижизненном издании стихов, вызывала сомнения у В. Сажина, заметившего, что «с таким же успехом поэт мог датировать это стихотворение любым другим десятилетием (что и сделал, поместив его в итоговом сборнике в раздел «Пятидесятые»...)»³⁷. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы Сажин разделил творчество Окуджавы на два периода: до 1957 года и после него, потому что в 1957 году поэтика Окуджавы претерпела изменения и появился тот Окуджава, который завоевал место в русской поэзии.

Л. Дубшан уловил качественное отличие «Неистов и упрям...» от тематически родственных ему стихотворений Окуджавы, опубликованных до 1957 года, и привел в пример стихотворение «У городской елки», напечатанное в последнем, декабрьском, номере калужской газеты «Молодой ленинец» за 1956 год:

Новый год. Мы говорим о нем
в поздний час прощанья с декабрем.
Новый год. Мы говорим об этом
в ранний час январского рассвета.
Новый год – хорошие слова:
жизнь новей, и в том она права,
нет того сильнее, чем новее.
Ты страной январскою пройди —
и такую новизной повеет
от всего, что встретишь на пути.

Дубшан справедливо назвал слог этого стихотворения «дежурным» и не отличающимся от слога стихотворения Окуджавы «Декабрьская полночь», опубликованного 1 января 1946 года в газете Закавказского военного округа:

...Искрится небо звездной россыпью,
С кремлевских стен двенадцать бьет...
И вот торжественною поступью
Уже шагает Новый год.
И сосны, к поступи прислушиваясь,
Кивают лапами ветвей,
А он идет без войн, без ужасов,
Счастливый юностью своей...³⁸

---

³⁶ Цит. по: Дубшан Л. Указ. соч. С. 5.

³⁷ Сажин В. Слеза барабанщика. С. 62.

³⁸ Цит. по: Дубшан Л. Указ. соч. С. 5.

Если исходить из того, что песня «Неистов и упрям...» датируется 1946 годом, и принять ее за некий «эталон», то придется признать, что за прошедшие с 1946 по 1956 год десять лет качество стихов Окуджавы ухудшилось. Для объяснения этого обстоятельства Дубшан использовал образ борьбы в Окуджаве двух антагонистов, взятый из его стихотворения «Боярышник «Пастушья шпора»» (1969). Согласно интерпретации Дубшана, один из антагонистов (у Окуджавы – «маленький») писал плохие стихи, а другой («большой») – хорошие. Стихотворение «Неистов и упрям...» написано «большим» и поэтому отличается в лучшую сторону от других стихов того периода, сочиненных «маленьким» и опубликованных в газетах. Однако существует и простое объяснение разницы в качестве стихов, предложенное самим Окуджавой, в виде замены датировки с 1946 года на 1950-е, то есть отнесение ее к периоду, когда появились многие из его известных песен. В «Неистов и упрям...» видны эрудиция и мастерство, которыми не отмечены его сочинения, созданные до 1957 года, тем более – стихотворения Окуджавы-первокурсника 1946 года. Меняя датировку песни с 1946 года на 1950-е, Окуджава, таким образом, относил песню к периоду, в который возникли многие из его знаменитых песен. В качестве объяснения можно предложить несколько соображений. Одно – это существование ранней версии стихотворения, действительно датированной 1946 годом, впоследствии замещенной другим вариантом. Нам, впрочем, кажется более вероятным другое предположение: называя эту песню «студенческой», Окуджава пытался сделать менее заметным ее гражданский характер, а отодвигая дату ее создания подальше в прошлое – придать песне вид юношеской шалости. Другой аргумент в пользу датировки песни 1950-ми годами – «кустовой» подход Окуджавы к той или иной теме. Следует учесть еще одно обстоятельство: ободренный надеждами на перемены после смерти Сталина и реабилитацией своей матери, Окуджава вступил в Коммунистическую партию. Венгерские события 1956 года и последовавшее за ними ужесточение внутренней политики Советского Союза выявили тщетность этих надежд. В конце 1950-х – начале 1960-х были написаны и «Песенка про черного кота», и «Бумажный солдатик», и «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...», и «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...»³⁹, также известная как «Песенка о Надежде Черновой», – с «собранными вещами», «ждушим нас поездом», «венком терновым» и со словами «мы... узнали, что к чему и что почем, и очень точно». В этот ряд встраивается и «Неистов и упрям...». Вспомним, что та же «Песенка о Надежде Черновой» датирована 1961 годом, а опубликована лишь в 1990 году. Таким образом, долгая задержка с публикацией политически неблагонадежных песен была для Окуджавы делом привычным. Мы уже упоминали, что песня «Неистов и упрям...» посвящена Ю. Нагибину. Судьба родителей Нагибина напоминала судьбу родителей Окуджавы: его отец был расстрелян, а отчим сослан. Для разговора о содержании песни это обстоятельство представляется значимым.

³⁹ В наиболее полном сборнике стихов Окуджавы «Стихотворения» «Гори, огонь, гори...» и «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...» помещены под номерами 120 и 126 соответственно.

Явление «Комсомольской богини»

...боги вечны, их ничем не обуздаешь.

И. Бродский. «Девяносто лет спустя». 1994

Чтобы понять и оценить «Песенку о комсомольской богине» Окуджавы, нужно представить себе время и обстановку, сопутствовавшие ее написанию. Тогда, в поздние пятидесятые, на улицах городов можно было увидеть, как женщины с отбойными молотками в руках выворачивают асфальт и как таскают тяжёлые ящики с хлебом в булочных. Традиция отношения к женщине, подразумевавшая преклонение перед ней, в советские годы практически исчезла из жизни и из литературы. Образ женщины-богини, часто встречающийся в художественных произведениях до революции, не появлялся в них после 1921 года вплоть до конца пятидесятых. Окуджава, возможно, первым вернул этот образ в искусство, доступное широкой публике⁴⁰. Здесь уместно вспомнить советские тексты: какой предстаёт перед нами их героиня? Очень показательна в плане отношения к женщине известная песня из кинофильма «Встречный» (1932)⁴¹; слова для нее написал поэт Борис Корнилов (а в 1938 году он был расстрелян), а музыку – Д. Шостакович. Приведём некоторые куплеты из этой длинной песни:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня.
.....
Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнешься друзьям,
С которыми труд и забота,
И встречный, и жизнь – пополам.

За Нарвскою заставою,
В громах, в огнях⁴²,
Страна встает со славою
На встречу дня.
.....

Любить грешно ль, кудрявая,
Когда, звеня,
Страна встает со славою

---

⁴⁰ Национальный корпус русского языка. Итоги поиска слова «богиня» в поэтическом подкорпусе. Найдено 355 документов.

⁴¹ Корнилов Б. Песня о встречном // Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л. 1966. С. 166–168.

⁴² Выделен образ, перекочевавший из «Песни о встречном» в текст «Комсомольской богини».

На встречу дня.

Б. Корнилов, как и многие его современники, искренне верил в то, что «кудрявая» должна радоваться «весёлому пению» заводского гудка и что работа на заводе представляет собой высшую ценность, перед которой отступает всё остальное. Что касается вопроса, прозвучавшего в конце, то он так и остается нерешенным. Непонятно, приветствует ли автор песни нежные чувства к женщине.

Роль, отведенная женщине при социализме, отражена также в очень популярном в свое время тексте, написанном пятью годами позже «Песни о встречном» («Идем, идем, веселые подруги!», 1937, слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского)⁴³.

Идём, идём, весёлые подруги!
Страна, как мать, зовёт и любит нас.
Везде нужны заботливые руки
И наш хозяйский, тёплый женский глаз.

Припев:
А ну-ка, девушки! А ну, красавицы!
Пусть поёт о нас страна,
И звонкой песнею пусть прославятся
Среди героев наши имена!

Для нас пути открыты все на свете,
И свой поклон приносит нам земля.
Не зря у нас растут цветы и дети
И колосятся тучные поля.

И города, и фабрики, и пашни —
Всё это наш родной и милый дом!
Пусть новый день обгонит день вчерашний
Своим весёлым, радостным трудом.

Расти, страна, где волею единой
Народы все слились в один народ,
Цвети, страна, где женщина с мужчиной
В одних рядах, свободная, идёт!

Припев.

В этой песне уже не говорится о личном счастье или несчастье, о человеческих чувствах и нет места никакому эмоциональному отношению к женщине. Женщины – это категория граждан, которые должны работать наравне с мужчинами и удостоиваются зачисления в герои, если работают много. Строчка «Не зря у нас растут цветы и дети» позволяет сделать вывод о том, что детей «у нас» выращивают на клумбах. Свое жилище женщинам, видимо, не полагается, зато: «И города, и фабрики, и пашни —/ Всё это наш родной и милый дом!» А высшим счастьем для них служит «выполнение пятилетки в четыре года»: «Пусть новый день обгонит день

---

⁴³ Лебедев-Кумач В. «Идем, идем, веселые подруги...» // Русские советские песни. 1917–1977. М. 1977. С. 171.

вчерашний/ Своим весёлым, радостным трудом». А последний куплет – уже откровенная пропаганда: не забыты и дружба народов, и расцвет страны, и торжество свободы – это в 1937 году!

Прошло около двадцати лет, и от искреннего революционного романтизма, пронизывающего песни, которые мы цитировали, мало что осталось. Декларировались, впрочем, прежние идеи: власти делали вид, что ничего не изменилось, и карали тех, кто вслух замечал, что «король-то голый». Окуджава после реабилитации родителей и возвращения матери из ссылки, пройдя через иллюзии, связанные с XX съездом и разоблачением сталинизма, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов переживал период переоценки ценностей. В это время он сочинил, например, «Песенку про Черного кота», «Бумажного солдатика» и другие песни, в которых проглядывала его скептическая позиция. «Комсомольская богиня» представляет интерес сразу с нескольких точек зрения. В этой песне осмысливаются отношения между полами в революционные и постреволюционные годы «строительства социализма в отдельно взятой стране» и говорится о том, что хотя восхищение женщиной, пожалуй, входило в число «буржуазных настроений», оно тем не менее не исчезло из людских душ, как и связанная с ним эротическая сторона жизни, «неистребимая как сама природа».

Окуджава сравнивал женщину с богиней во многих стихах и песнях. Но в них, как правило, это обожествление касалось возлюбленной лирического героя. Исследуемая нами песня посвящена определенному периоду истории, а богиня в ней – мать Окуджавы. Следуя своему методу «кустовой» разработки темы, Окуджава тогда же написал другую известную песню («Не клонись-ка ты, головушка...»), прямо адресованную матери.

В то время как некоторые образы из «Песенки о комсомольской богине» упоминались в статьях о творчестве Окуджавы, например, Дубшана⁴⁴, Жолковского⁴⁵, и в других публикациях, текст самой песни детально не изучался и служит предметом анализа в нашей статье. Ниже «Песенка о комсомольской богине» приводится полностью⁴⁶. Поскольку она отчётливо делится на две части: по три куплета в каждой, – мы поместим обе части рядом, чтобы упростить сравнение:

Я смотрю на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.

За окном все дождик тенькает:
там ненастье во дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро **вспыхнет бой кругом,**
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

На углу у старой булочной

---

⁴⁴ Дубшан Л. О природе вещей. Вступительная статья // Окуджава Б. Стихотворения. СПб. 2001. С. 51

⁴⁵ Жолковский А. «Рай, замаскированный под двор»: заметки о поэтическом мире Булата Окуджавы // Жолковский А., Щеглов Ю. Мир автора и структура текста. TenaFly. 1986. С. 308.

⁴⁶ Окуджава Б. «Песенка о комсомольской богине» // Окуджава Б. Стихотворения. С. 150.

*там, где лето пыль метет,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идет*

*А ее коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее
на виске ее дрожит.*

*И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!*

В первой части песни лирический герой описывает старую групповую фотографию, на которой, скорее всего, присутствует его мать⁴⁷, ставшая героиней этого произведения. Словесное описание любого изображения, в том числе вымышленного – это литературный прием под названием «экфрасис», известный со времен Гомера. Окуджава прибегал к экфрасису неоднократно и в более поздних стихах/песнях. Одним из наиболее показательных примеров использования экфрасиса Окуджавой можно считать песню «Батальное полотно». Как подметил Л. Геллер, описание изображений в литературном произведении «подчиняется либо нарративной, либо топической, но не живописной логике»¹. В «Комсомольской богине» поэт не стремится упомянуть все, что есть на снимке – он концентрируется на том, что представляет для него интерес, то есть логика здесь топическая. Он выделяет из группы людей девочку в мальчишеской курточке и уже с оружием. Детали, возникающие во втором куплете, не мог бы передать фотоснимок. Запечатлеть на нем дождик за окном и ненастье на дворе, находясь в комнате, при тогдашней фотографической технике было невозможно. Такая деталь и ей подобные указывают на то, что картина, которую разворачивает перед нами Окуджава, дополнена воображением. Возможно, что «ненастье во дворе» – метафора, намекающая на «смутные времена» и объясняющая следующие далее строки: «Но привычно пальцы тонкие/ прикоснулись к кобуре». Казалось бы, в дождик следовало прикоснуться к зонтику, а не к кобуре. Спокойный фактологический тон этого описания маскирует трагичность происходящего. Девочка-подросток «привычно» держит руку на оружии, которое она, возможно, уже применяла. Подростки в силу недостатка жизненного опыта и присущего им идеализма часто становятся жертвами бессовестной демагогии вождей и используются ими как «пушечное мясо» для достижения их отнюдь не благородных целей. Русская революция воспитала целое поколение юных фанатиков, усвоивших коммунистическую идеологию как религию. Именно об этом песня Окуджавы. Тут уместно вспомнить, что уже в старости мать поэта Ашхен Степановна Окуджава, в течение всей своей жизни убежденная коммунистка, вспоминая прошлое, воскликнула: «Боже мой, что мы наделали...»⁴⁸

---

⁴⁷ Сажин В. Слеза барабанщика. Вступительная статья // Окуджава Б. Стихотворения. СПб. 2001. С. 59. Высказал предположение, что на фотокарточке изображена мать Окуджавы.

⁴⁸ Мотыль В. «Пока земля ещё вертится...» // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (277). С. 111.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.